

УДК 101.1

КОНФИГУРАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ В ИСТОРИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ МОЛОДЁЖИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ¹

Д.А. Аникин*, А.А. Линченко**

* ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского», г. Саратов

** ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Обосновывается мысль о том, что анализ исторического сознания молодежи с позиций традиционных подходов не является достаточным для изучения механизмов формирования и закономерностей развития представлений о прошлом. С этой целью предлагается концепция синтеза деятельностного и сетевого подходов, которые призваны выявить объективные основания формирования исторического сознания, а также определить роль социального контекста в реконструкции социальной памяти. В условиях актуальных тенденций современного социального развития формирование исторического сознания молодежи становится важным фактором успеха социальных преобразований. Комплексное исследование социальной памяти молодежи позволит выработать конструктивные рекомендации для институтов современного российского общества.

***Ключевые слова:** историческое сознание молодежи, деятельностный подход, сетевой подход, исторический опыт, социальная память, практики.*

В условиях социальных преобразований резко возрастает роль молодежи, которая становится главной действующей силой, способной обеспечить выход общества на новый уровень развития или, наоборот, консервацию и сохранение подвергающихся трансформациям ценностей. Но ценностный потенциал молодежи опирается в первую очередь на социальную память как совокупность представлений о прошлом, непрерывно актуализирующуюся в различных практиках – образовательных, мемориальных, правовых, повседневных – и обеспечивающую сохранение ценностных ориентиров.

Социальную память нельзя свести исключительно к набору исторических фактов и фигур исторических персонажей, скорее, она является связующим звеном, устанавливающим прямое и непротиворечивое (для самих носителей социальной памяти) соответствие между прошлым и настоящим, а также – между прошлым и тем образом будущего, к которому стремится данное общество. Нельзя упускать из виду и

¹ Исследование проводится при поддержке РГНФ, грант № 14-33-01237 (а2): «Трансформация исторического сознания молодежи в обществе риска: источники, механизмы, закономерности, перспективы».

идентификационную функцию социальной памяти – она позволяет индивиду осознать свою принадлежность к определенному сообществу, обладающему схожими представлениями о прошлом.

Но исследование социальной памяти современной молодежи оказывается невозможным без решения целого ряда методологических вопросов, имеющих непосредственное отношение к выявлению закономерностей формирования представлений о прошлом.

Понимание особой роли социальной памяти в процессах становления и трансформации социальных структур и вызвало к жизни в конце XX в. возникновение особого направления исследований, получившего название «memory studies». Возникновение «memory studies» ознаменовало собой окончательный отказ от двух презумпций сциентистской парадигмы исторического познания. Во-первых, от отождествления образа прошлого с самим прошлым (хотя говорить о «временном разрыве» между наблюдателем и объектом его наблюдения в истории начал еще Хладениус) [1, с. 19]. Во-вторых, от уверенности в том, что тот образ прошлого, который существует в данный момент, оставался неизменным на всем протяжении того временного промежутка, который отделяет настоящее от прошлого. Изучение памяти как процесса, а не как состояния позволяет проследить трансформацию образа определенного исторического события или героя, что в большей степени позволяет судить не столько о самом образе, сколько о том культурном и политическом контексте, в котором осуществлялось его поистине «волшебное» превращение.

А. Ассман справедливо указывает, что изменения в социально-гуманитарном дискурсе, актуализировавшие само понятие «социальная память», параллельно способствовали постепенному уменьшению значимости понятия «идеология». Но дело тут вовсе не в том, что социальная память рассматривается как рафинированный продукт социальных процессов, избавленный от политического влияния. «Идеология – это оборотная сторона имплицитного и самоуверенного чувства истины» [2, р. 41]. Иначе говоря, представление об идеологичности каких-либо суждений строится на уверенности в существовании «объективной точки зрения». В том случае, если представление о существовании абсолютной истины оказывается развенчано, «идеология» утрачивает свое методологическое значение, превращаясь в символический маркер неразделяемой точки зрения. Понятие «социальная память» исходит из относительности и условности связи между современной репрезентацией прошлого и самим историческим событием, которое в данной репрезентации отражается. Соотношение прошлого и настоящего представляются неоднозначным диалогом, в котором сопряжение полюсов обусловлено не только политическим запросом современности, но и теми условиями, в которых порождаются смыслы такого соотношения.

Р. Брубейкер указывает на несколько основных недостатков, свойственных современным исследованиям социальной памяти [3,

с. 291–292]. Во-первых, исследования либо сосредоточены на частных случаях конструирования социальной памяти, либо претендуют на чересчур широкие обобщения, игнорируя компаративистский анализ схожих практик конструирования в различных сообществах. Во-вторых, преувеличенным оказывается представление о конструктивном характере социальной памяти, по крайней мере, о податливости образе прошлого под давлением политических обстоятельств. В-третьих, преувеличенной оказывается и оценка восприятия обществом тех дискуссий, которые проходят в академическом сообществе. Эти обстоятельства заставляют обратиться к выявлению тех особенностей изучения социальной памяти, которые сложились на протяжении последних десятилетий в социально-гуманитарных науках.

Репрезентация прошлого на протяжении длительного промежутка времени рассматривалась исключительно в гносеологическом ключе, т. е. упор делался на исследовании познавательных стратегий в отношении прошлого. Большое значение для формирования такого взгляда на социальную память имели структуралистская и постструктуралистская традиции в философии истории, в рамках которых прошлое оказалось, по сути, сведено к его текстовой (в широком смысле этого слова) репрезентации.

Постструктурализм, кардинально переработав и обновив постулаты структуралистского анализа, сумел вдохнуть новую жизнь и в такую отрасль философского знания, как философия истории, которая, казалось бы, была безнадежно скомпрометирована в результате произошедшей «структуралистской революции». Позитивный момент этой революции проявился в том, что резкая критика онтологии истории со стороны мыслителей структуралистского толка привела, в несколько смягченном виде, к радикальному обновлению философско-исторического знания в целом, что вывело на первый план эпистемологию истории. Играя на амбивалентности самого понятия «история», способного обозначать как исторический процесс, так и связный рассказ об этом процессе, постструктуралисты сосредоточили свое внимание именно на второй стороне этого понятия. Кажущаяся континуальность и последовательность истории как процесса развития человеческих обществ (да и сама идея исторического развития) является порождением необоснованного переноса характеристик исторического текста на описываемые в этом тексте события. История – это не прошлое, а тот способ, которым это прошлое оказывается реконструировано для современного читателя в произведениях историков.

С позиций постструктурализма исследование источников, являвшихся в позитивистской методологии верным залогом истинности и объективности исторических интерпретаций, является своего рода расшифровкой скрытых в них значений. Но каждое раскодирование, по сути, представляет собой новое закодирование. Помимо того что наши собственные интерпретационные решения основаны на наших же соб-

ственных установках, мировоззрении, даже на эмоционально-психическом состоянии, они пропитаны духом и кодами того дискурса, в котором жили люди – составители источника, его редакторы, его последующие комментаторы и, наконец, мы сами, воспроизводящие устоявшиеся, впитанные в процессе социализации, а потому и не замечаемые, скрытые смыслы. С этой точки зрения история представляется в виде особой конструкции, содержащей эти и многие другие элементы «проекции» и «скрытых смыслов», сконструированной индивидуальным сознанием историка, содержащим в себе как чисто субъективные, так и объективные (в социальном или культурном значении) элементы. Иначе говоря, историк постоянно конструирует историческую реальность, приспособлявая исторические факты под имеющуюся в его сознании схему, которая (и в этом будет проявляться фундаментальное положение всего структуралистского дискурса) не является порождением индивидуальной фантазии историка, а продиктована совокупностью социальных практик, в которую этот историк погружен.

Большая заслуга в развитии постструктуралистских представлений о прошлом принадлежит французскому историку и философу П. Нора, который в своих работах, посвященных тем образам прошлого, которые являются основополагающими для современного общества, сумел методологически обосновать такое свойство коллективных представлений о прошлом, как конструктивизм [4, с. 20–22]. Еще М. Хальбвакс говорил о наличии определенных социальных рамок, которые обеспечивают воспроизводство лишь незначительной части исторических фактов, оставляя остальные в прошлом [5, с. 24]. Но для Хальбвакса в этом заключался именно механизм отсеивания тех воспоминаний, которые больше обладают социальной актуальностью, оставшиеся же воспоминания, безусловно, являлись отсылками к реально существовавшему прошлому. Для П. Нора история Франции служила примером того, как образы конкретных исторических персонажей способны кардинально менять свое значение для общества – то становиться центральными фигурами исторического сознания, но удаляться на периферию социальной памяти.

Но подобное сведение социальной памяти исключительно к схеме, которая содержится в сознании историка и продиктована его политическими предпочтениями, означает поставить вопрос вообще о закономерностях познания прошлого. Если прошлое представляет собой лишь искусственно воссоздаваемый текст, то под сомнением оказывается онтологический статус как самого прошлого, так и легитимизируемого им настоящего. Уже П. Нора понимал, что конструирование социальной памяти происходит не только в сознании индивида, громадное значение в этом процессе имеет его повседневное бытие, те обыденные практики, которые дают ему возможность неосознанно приобретать тот запас исторических знаний, который и делает его представителем определенного сообщества [4, с. 28].

Таким образом, обязательным атрибутом исследования социальной памяти становится изучение повседневных практик, в результате которых происходит актуализация образов прошлого, приобщения к коллективным воспоминаниям представителей подрастающего поколения. В этой связи в исследованиях выделяют такие типы повседневных практик, как практики труда, практики быта и практики досуга [6, с. 95]. Это обстоятельство заставляет обратиться к деятельностному подходу, который, несмотря на некоторую догматизацию и схематизацию в советских философских исследованиях, еще далеко не исчерпал свой методологический потенциал, позволяя рассматривать проблемы социальной памяти и исторического сознания прежде всего в онтологическом, антропологическом и праксиологическом ключе.

Как уже отмечалось в исследованиях, исходным пунктом понимания проблемы деятельности и, шире, антропологического понимания общества и истории является диалектика необходимости и свободы. Данная связка категорий, раскрывающих субстанциальное измерение деятельностной сущности человека развертывается в виде конкретных форм объект-объектных, субъект-объектных и субъект-субъектных отношений [7, с. 20].

Говоря об объект-объектных отношениях, укажем, что в данном случае мы имеем в виду понимание человеческой деятельности как разворачивающейся в рамках естественно-исторического процесса. В данном случае временность, по сути, представлена в форме чистой длительности, необратимости изменений. В рамках же отдельного человека речь идет о последовательности смены форм состояний человеческой жизнедеятельности, биологическом возрасте человека, как телесной форме восприятия времени.

Второй тип отношений может быть представлен как субъект-объектные отношения. Отношение здесь задается с целью производства объекта для субъекта, в котором преобразование объекта оборачивается деятельностью утилитарно-потребительской и познавательной [8, с. 18]. В данном случае восприятие времени воплощается в виде усвоения, присвоения и воспроизведения исторического опыта и формирования на его основе знаний о прошлом. А.Н. Леонтьев отмечал: «Люди каждого последующего поколения начинают свою жизнь в мире предметов и явлений, созданных предшествующими поколениями... и мышления и знания у людей каждого последующего поколения формируются на основе усвоения ими уже достигнутых успехов познавательной деятельности прежних поколений» [9, с. 7]. Учитывая тот факт, что в современной литературе под историческим опытом понимают «...комплекс реальных, относительно неопровержимых свойств и закономерностей социального бытия и общественного развития, который фиксируется в виде знаний, выводов, а также навыков и примеров по регулированию социально-политической практики, устойчивости и повторяемости раз-

личных аспектов и ситуаций истории» [10, с. 43], а знание о прошлом трактуется как продукт человеческой деятельности, формирующийся в процессе социальных взаимодействий и включающий все виды социально признанных представлений (И.М. Савельева, А.В. Полетаев), можно было бы сказать, что исторический опыт есть, по сути, непосредственное восприятие временности преимущественно с практической стороны деятельности, а знание о прошлом – восприятие временности преимущественно с теоретической стороны.

Третий тип универсальных отношений, протекающих в системе человеческой деятельности, представляют собой субъект-субъектные связи, возникающие и осуществляющиеся с целью производства субъективных качеств людей. По мысли В.М. Видгофа, данные связи выражаются в форме общественных отношений и коммуникации, отношений между индивидом и родом, обществом и личностью, между нациями, классами, социальными группами. Именно в рамках данных социальных отношений происходит процесс обработки объективных качеств людей, где формируются их социальные потребности, умения и навыки освоения и производства социальных ценностей, формируется культура [8, с. 19]. Вопрос о месте и роли временности в структуре субъект-субъектных отношений связан с тем, что само происхождение идеального внутренне связано с процессом общественно-исторического наследования подрастающими поколениями умений, способностей производить орудия труда, различные вещи, реально-материальное и духовное общение. Таким образом, первым и важнейшим понятием, выступающим в ряду понятий, описывающих восприятие временности в системе субъект-субъектных отношений оказывается «социальная память». На значение памяти для семиотических систем и ее деятельный характер неоднократно указывал Ю.М. Лотман. Итак, как нами уже отмечалось ранее, переходя на уровень субъект-субъектных отношений временное в человеческой деятельности преобразуется из исторического опыта в социальную память. Вернее, социальная память есть механизм языкового преобразования исторического опыта, она преобразует исторический опыт в нарратив, формируя историческую идентичность. Более того, социальная память способствует преобразованию коммуникации в общение, т. е. коммуникация приобретает форму эмоциональной вовлеченности в процесс такого обмена и интенционального переживания опыта прошлого. Временность в таком случае получает форму событийной длительности, время разворачивается как пространство событий, зависимое от способов социокультурной деятельности и личных воспоминаний человека [7, с. 22].

Итак, если подойти к определению исторического сознания со стороны сущностных родовых признаков сознания вообще, то можно было бы отметить следующее: во-первых, историческое сознание – это специфическая форма субъективной реальности, идеально отображаю-

щая и духовно осваивающая действительность в её темпоральном аспекте. Во-вторых, историческое сознание социально по своей природе, поскольку выступает предметом, результатом, моментом и условием человеческой жизнедеятельности. Для исторического сознания деятельность является субстанциальным свойством, обнаруживающим себя как самовыражение и самоутверждение субъективной реальности, взятой одновременно в разных универсальных аспектах: психическом (как образно-психическое отражение и отношение временного), идеальном (как предметно-образное отображение и выражение особенностей социального бытия в его временном аспекте) и духовном (как вид общественного сознания и форма духовной культуры субъекта).

Однако утверждения, что социальная память – это в первую очередь целенаправленные действия по сохранению, созданию или воссозданию определенных образов прошлого, еще недостаточно. Точнее говоря, понимание праксиологического характера социальной памяти уже позволяет ответить на вопрос «как происходит обращение к прошлому?», но не освещает закономерностей конкретного способа обращения к прошлому. Для ответа на вопрос о специфичности подбора исторических фактов и конкретизации их интерпретаций, определяющих историческое сознание современного человека, необходимо изучить контекстуальность социальной памяти. Конкретная практика воссоздания прошлого не является изолированным процессом, а представляет собой точку пересечения самых разнообразных стратегий освоения социального пространства, это узел сети, в которую на равных основаниях включаются такие разнопорядковые элементы как «политическая целесообразность», «психологическая готовность населения», «наличие свободного места», «трудоемкость осуществления практики», «договоренность о взаимовыгодном сочетании различных практик» и т. д. По словам О. Хархордина и В. Волкова, «это некоторая ассоциация или сборка элементов, про которые бесполезно спрашивать, чего в ней больше – человеческого или нечеловеческого» [11, с. 249]. Значение сетевого подхода также особенно ярко просматривается при выявлении роли повседневных практик в процессе реактуализации прошлого. В исследованиях подчеркивается, что повседневность есть целостное и гармоничное сочетание различных сторон повседневной деятельности – практик труда, практик досуга, практик быта, каждая из которых актуализует свое пространство опыта прошлого, выстраивает свои ценностные доминанты и ориентиры. При этом ни одна из сторон повседневности не может быть сегодня выделена в качестве однозначно детерминирующей остальные [6, с. 102–104].

В рамках сетевого подхода предлагается комплексное рассмотрение социальной памяти как динамично меняющегося сопряжения различных элементов, определяющих специфику образов прошлого, и их функционирование в рамках современной социальной реальности. Мно-

гоуровневость феномена исследования определяется тем, что недостаточным становится анализ содержания социальной памяти, поскольку репрезентация одного и того же исторического факта может приобретать прямо противоположное значение в зависимости не только от политических запросов, но и от предшествующей истории репрезентаций, способов трансляции социальной памяти и т. д.

Такая трактовка социального позволяет по-новому переосмыслить понимание деятельности и ее место в конструировании социальной памяти. Классическое понимание деятельности акцентирует внимание на ее телеологическом характере, предзаданности той диспозиции, которая определяет поведение индивида, совершение или несовершение им определенных действий. Х. Йоас справедливо отмечает, что такое понимание деятельности неоправданно сужает совокупность факторов, влияющих на действия человека, прежде всего исключает влияние ситуативности [12, с. 178]. Признавая же влияние ситуативных факторов на человеческую деятельность, необходимо переосмыслить как влияние мотивов, так и структуру целеполагания в качестве атрибутов деятельности по конструированию социальной памяти.

С точки зрения мотивации необходимо различать роль мотивов в создании предзаданного плана, определяющего общую структуру и направленность человеческого поведения, и их возможность определять выбор конкретных поступков, призванных обеспечить достижения поставленной цели. «Если понимать интенциональность как саморефлексивное сознание и оценку дорефлексивных квазиинтенций, то тогда мотивы и планы следует рассматривать как результат такой рефлексии, а не как реально действующие причины действия» [там же, с. 179]. Иначе говоря, рациональная мотивация оказывается во многом сформирована «задним числом», т. е. призвана объяснить тот способ поведения, который может быть продиктован совсем иными, неререфлексивными причинами. Из этого следует, что для анализа социальной памяти конкретной социальной группы еще недостаточным является изучение стратегий ее конструирования и понимание общей направленности, поскольку любая конкретная коммеморативная практика будет включать в себя не только осознание ее направленности, но и совокупность неререфлексируемых условий ее осуществления, которые нередко оказываются не менее существенными, скрытыми за процессами повседневного опыта.

Не менее важным является отказ от однозначной трактовки самого акта постановки цели. С точки зрения разрабатываемого Х. Йоасом подхода «постановка цели – это результат ситуации, в которой действующий субъект оказывается перед препятствием, мешающим ему продолжать реализацию дорефлексивных способов действия» [там же, с. 180]. Субъект вынужден формулировать осознанную цель своей деятельности только в том случае, если привычные практики оказываются неэффективными, когда нерезультативность процесса действия за-

ставляет задуматься о соотношении между целью и средствами ее достижения. Это означает, что любая целенаправленная деятельность по сохранению социальной памяти или ее актуализации является отражением той социальной ситуации, в которой эта социальная память перестала быть актуальной «по умолчанию». Ещё П. Нора считал, что резкий всплеск разговоров о прошлом означает лишь то, что это прошлое перестало относиться к «живой» памяти, перейдя в разряд нейтрально-холодной истории [4, с. 18].

Не стоит воспринимать социальную память как простое «отражение» тех социальных связей, материальных и нематериальных сетей, элементом которых она является. Д. Олик отмечает, что в методологических попытках лишить социальную память ее автономного существования присутствует и обратная опасность – воспринять структуры социальной памяти исключительно как способы репрезентации политического поля, сведя тем самым образы прошлого исключительно к иллюстрации современного политического процесса [13, с. 43]. Но производство смысла является не побочным результатом реформатирования политического поля, а закономерным элементом политической деятельности. Поэтому социальная память в качестве символического ресурса представляет собой важный сегмент социального пространства, посредством изучения которого возможно осмысление всей совокупности процессов, протекающих на различных уровнях этого пространства. В условиях становления сетевых структур память становится важным узлом, в котором пересекаются ожидания, намерения и стереотипы участников социальных взаимодействий, поэтому главной чертой социальной памяти в сетевом обществе становится ее контекстуальность, которая должна пониматься сразу в нескольких ракурсах: пространственном, коммуникационном, дискурсивном и конфигуративном. Именно с этой точки зрения необходимо рассматривать смысл и значение понятия «историческая культура», получившего распространение в современных зарубежных исследованиях. Конфигурации социальной памяти всегда оказываются формами процессов исторической культуры того или иного времени, понятой как вся совокупность способов восприятия и форм обращения к прошлому, практик его повседневного освоения и присвоения в контексте действительности настоящего и ориентаций на будущее. Представления о прошлом в сетевом обществе становятся символическим ресурсом, который оказывается необходим как для поддержания социального порядка, так и для давления на него. Вместе с тем структура Сети подразумевает многоуровневость элементов социальной памяти, которые становятся точкой пересечения как горизонтальных, так и вертикальных плоскостей. Иначе говоря, было бы слишком примитивно свести репрезентацию социальной памяти к актуальным интересам политических субъектов, поскольку функционирование образов прошлого подразумевает определенную историю их возникновения и

цели воспроизводства. Символический капитал, впрочем, как и любой другой вид капитала, приобретает значение не сам по себе, а лишь в отношении с другими используемыми ресурсами, поэтому ошибочным является сама попытка рассмотрения социальной памяти как независимого сегмента социальной реальности. Память оказывается увязана с самой конфигурацией социального пространства, состоящей из нескольких пересекающихся полей и динамично меняющейся в соответствии с изменением положения отдельных элементов.

Таким образом, методологическим условием возможности описания той ситуации, в которой оказывается историческое сознание современной молодежи, является синтез деятельностного и сетевого подходов. Данный синтез позволяет:

1. Совершить переход от гносеологического к онтологическому аспекту изучения социальной памяти и исторического сознания.

2. Выявить закономерности формирования исторического сознания молодежи в контексте культурных, социальных, политических, экономических сетевых структур современного общества.

3. Определить совокупность факторов, влияющих на формирование исторического сознания молодежи и выработать конструктивную стратегию социализации молодежи в условиях нелинейных тенденций современного социального развития.

4. Разработать методологию изучения трансформации исторического сознания молодежи в зависимости от контекстуальных изменений социального пространства.

Список литературы

1. Буллер А. Введение в теорию истории. М.: Наука, 2013. 184 с.
2. Assmann A. Re-framing memory. Between individual and Collective forms of Constructing the Past // Tilmans K., van Vree F., Winter J. Performing the Past: Memory, History and Identity in Modern Europe. Amsterdam, 2010. P. 35–50.
3. Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Издательский дом ВШЭ, 2012. 408 с.
4. Нора П. Между памятью и историей, проблематика мест // Франция–Память. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 17–50.
5. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
6. Полякова И.П. Социально-философское понимание повседневности. Липецк: Изд-во ЛГТУ, 2009. 138 с.
7. Линченко А.А. Деятельностный подход в понимании природы и сущности исторического сознания // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Философия. 2014. №1. С.16–25.

8. Видгоф В.М. Целостность эстетического сознания: деятельностный подход (опыт философского анализа). Томск: Изд-во Томского ун-та, 1992. 179 с.
9. Леонтьев А.Н. Человек и культура. М.: Мысль, 1961. 114 с.
10. Тихонов В.А. Философско-методологические принципы освоения исторического опыта. Самара: Издательство «Самарский университет», 2003. 224 с.
11. Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. СПб.: Издательство Европейского университета, 2008. 298 с.
12. Йоас Х. Креативность действия. СПб.: Алетейя, 2005. 320 с.
13. Олик Д. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11, № 1. С. 40–74.

CONFIGURATIONS OF SOCIAL MEMORY IN HISTORICAL CONSCIOUSNESS OF YOUTH: METHODOLOGICAL ASPECT

D.A. Anikin*, A.A. Linchenko**

* Saratov State University, Saratov

** Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The idea that the analysis of historical consciousness of the youth from the point of traditional approaches doesn't allow to study the mechanisms of formation and regularity of development of ideas of the past is proved in the article. In pursuing the aim, the concept of synthesis of activity and network approaches which are urged to reveal the objective bases of the formation of historical consciousness and also to define a role of a social context in reconstruction of social memory is considered. In the conditions of actual tendencies of modern social development the formation of historical consciousness of the youth becomes an important factor of success of social transformations. The complex research of social memory of the youth will allow to develop constructive recommendations for institutes of modern Russian society.

Keywords: *historical consciousness of youth, activity approach, network approach, historical experience, social memory, practitioners.*

Об авторах:

АНИКИН Даниил Александрович – кандидат философских наук, доцент ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»? Саратов. E-mail dandee@list.ru.

ЛИНЧЕНКО Андрей Александрович – кандидат философских наук, доцент ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и

государственной службы при Президенте Российской Федерации». E-mail: linchenko1@mail.ru.

Authors information:

ANIKIN Daniil Alexandrovich – Ph.D., Assoc. professor Saratov State University, Saratov. E-mail: dandee@listl.ru.

LINCHENKO Andrew Alexandrovich – Ph.D., Assoc. professor Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: linchenko1@mail.ru.